

УДК 338.24: 332.142.2

UDC 338.24: 332.142.2

08.00.00 Экономические науки

Economic science

**ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИ
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ
СИСТЕМ VS ПОЛЯРИЗОВАННОГО
РАЗВИТИЯ: КОНЦЕПЦИЯ ЭКОЛОКУСОВ**

**POLYCENTRIC SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF REGIONAL SYSTEMS VS
POLARIZED DEVELOPMENT: THE ECOLOGI
CONCEPT**

Терёшина Мария Валентиновна
д.э.н., профессор
РИНЦ SPIN-код: 8105-7488

Tereshina Maria Valentinovna
Doc.Econ.Sci., professor
RSCI SPIN code: 8105-7488

Бабичев Константин Николаевич
канд.экон.наук, доцент
РИНЦ SPIN-код: 8807-8924

Babichev Konstantin Nikolaevich
Cand.Econ.Sci., assistant professor
RSCI SPINcode: 8807-8924

Урманов Дмитрий Васильевич
канд.экон.наук, доцент
РИНЦ SPIN-код: 4212-4663
*Кубанский государственный
университет, Краснодар, Россия*

Urmanov Dmitry Vasilievich
Cand.Econ.Sci., assistant professor
RSCI SPIN code: 4212-4663
Kuban State University, Krasnodar, Russia

На современном этапе реформ в регионах России усилились центристские процессы. Главными фокусами роста и развития стали формальные центры субъектов РФ. Эти процессы и условия усиливают дифференциацию и зависимость периферии от ядер и центров региона. Сохранение таких условий будет усиливать неравномерное развитие в регионах РФ в будущем. Более того крупные города продолжают накапливать отрицательные эффекты от хозяйственной деятельности: проблемы с экологией, социальными взаимоотношениями, перегрузками инфраструктуры, транспортные коллапсы и др. Такая модель не позволяет обеспечить устойчивое полицентрическое развитие и, по мнению исследователей, ограничивает дальнейшее развитие современных крупнейших агломераций в пределах до 50-60 лет. Авторы попытались обратить внимание на необходимость преодоления пространственной поляризации как необходимое условие устойчивого развития регионов. На основе анализа подходов к пространственному развитию обоснована необходимость полицентрического типа регионального развития на основе формирования точек устойчивого развития (эколокусов). Предложена авторская концепция и дано определение эколокусов как открытой эколого-социо-экономическую систему, свободно обменивающуюся экологическими, финансовыми, материальными, человеческими, информационными, символическими и другими видами ресурсов с окружающей средой, способной генерировать в последней позитивные сдвиги в направлении устойчивого развития и «зеленой» экономики

At the present stage of reforms in Russian regions centripetal processes have amplified. The formal centers of subjects of the Russian Federation became the main focuses of growth and development. These processes and conditions enhance differentiation and dependence of periphery from regional nuclei and centers. Keeping these conditions will intensify uneven development in the Russian regions in the future. Moreover major cities continue to accumulate negative effects on economic activities: environmental problems, social relationships, infrastructure congestion, traffic jams, etc. This model does not allow for sustainable polycentric development and, according to the researchers, limiting the further development of today's largest metropolitan area in the range of 50-60 years. Authors have tried to pay attention to necessity of overcoming of spatial polarization as a necessary condition of a sustainable development of regions. Based on the analysis of approaches to spatial development justified the need for a polycentric type of regional development on the basis of formation of sustainable development dots (ecoloci). The author proposes a concept and a definition of ecolocus as an open ecological and socio-economic system, freely exchanged environmental, financial, material, human, informational, symbolic, and other kinds of resources with the environment, generating positive changes towards sustainable development and green economy

Ключевые слова: УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, РЕГИОН, ПОЛЯРИЗОВАННОЕ РАЗВИТИЕ,

Keywords: SUSTAINABLE DEVELOPMENT, POLARIZED DEVELOPMENT, POLYCENTRIC

В теории и практике развития территориальных социально-экономических систем обычно дифференцируются два основных направления, определяющие происхождение и вектор импульсов и волн развития. В соответствии с этим выделяются «школа развития сверху» (bottom-down подход) и «школа развития снизу» (bottom-up подход). В соответствии с этим выделяются «школа развития сверху» и «школа развития снизу»[1, С.104].

При этом практика реализации экономической политики, преимущественно на Западе, во второй половине XX века ярко продемонстрировала необходимость учета пространственных условий и активизации самоподдерживающихся механизмов развития на локальном уровне. Территории при этом стали рассматриваться не только и не столько как площадки размещения отдельных отраслей и фирм, а как социально-экономические системы, целевые ориентиры которых связаны с повышением качества жизни населения[4, С.12-13].

Однако сложившаяся модель центр-периферия регионов к началу XXI века сохранила и усилила социально-экономические противоречия развития городских и сельских поселений. Например, за XX век в России крупные города сохраняли устойчивые темпы роста концентрации населения, ресурсов, привлекательность проживания в них и др. А сельские поселения в СССР сохранились преимущественно за счет плановой экономики и отдельных крупных предприятий на местах; при этом в пореформенный период (с 1991 г.) при переориентации на либерально-рыночный тип развития страны и регионов эти сельские территории перешли в режим устойчивого кризисного состояния.

По мере усложнения человеческой культуры, а также увеличения производительных сил, массовой индустриализации, крупные торговые и

промышленные центры постоянно возрастали, пока, наконец, не достигли своего современного апогея.

По данным В. Святловского, к началу XX в. около 13% всего населения Российской Империи сконцентрировалось в городах, однако число городского населения постоянно увеличивалось за счет населения деревень и малых городов[7].

Последующий стремительный рост больших городов наглядно иллюстрируют следующие примеры: в течение первых семидесяти лет XX в. население Москвы увеличилось почти в 6 раз; Петербурга – в 5 раз; Саратова – в 4; Ростова-на-Дону и Новосибирска – в 4,5 и т.д.[5, С.3].

При этом статистические исследования того периода показывают, что наибольшая часть прироста городского населения приходилась на большие города, тогда как малые города росли лишь в незначительной степени. До начала XX в. в городах с населением более 100 тыс. жителей проживало 3,5% всего населения, а в 1900 г. – 8,9% населения. К началу XXI в. удельный вес жителей больших городов вырос до 65,8%. Если сравнить данные для малых городов в те же промежутки времени, то можно заметить, что их рост происходил значительно слабее, а в городах с населением от 2 до 10 тыс. жителей приток населения почти не наблюдался.

Рост населения в городах с населением более 100 тыс. жителей в России и его отношение к росту всего населения видно из табл. 1.

Рост городского населения в России (19-20 вв.)

Год	Все население, чел.	Население городов, имеющих 100 000 и более жителей, чел.	Отношение населения больших городов ко всему населению, %
1800	37 500 000	550 000	3,2
1900	129 000 000	3 600 000	3,0
2000	146 890 000	68 000 000	69,0

Таким образом, городское население еще в 1851 г. составляло только 7,8% всего населения, в 1911 г. – уже 13,7%, т.е. почти вдвое больше; в

1851 г. в городах жило около 3,5 млн чел., а в 1911 г. – более 22,5 млн чел., следовательно, менее чем за 60 лет число городских жителей увеличилось почти в 7 раз. И этот процесс не остановился и в будущем – тому залогом служит, с одной стороны, развивающаяся промышленность, с другой – отток деревенского населения в крупные города. В 1989 г. уровень урбанизации в СССР составлял 70%, а к 2015 году данный показатель составил 74,3%

Быстрый рост городов сопровождался чрезвычайным уплотнением городского населения. Интенсивная концентрация жителей в ограниченных пределах городской территории в большинстве случаев многократно обгоняла строительство нового жилья. Ситуация усугублялась тем, что концентрация населения в городах порождает множество ранее неизвестных санитарных и социальных проблем.

Пространственная организация общества в современной России (с начала 1990-х гг.) существенно трансформировалась в силу перехода к новой системе жизнеобеспечения – либерально-демократической. На фоне всего этого выявились упущенные возможности развития территорий, проблемы функционирования отраслей народного хозяйства (оставшихся от СССР), планирования и прогнозирования в рыночных условиях, годами поддерживающийся дефицит финансовых ресурсов в системе государственного и муниципального управления и пр. Территориальная организация общества России начала приобретать характер центростремительных связей в центрo-периферийной модели функционирования регионов: существенно стали доминировать центральные города регионов (столицы субъектов РФ) при снижении удельного веса в социально-экономическом развитии региона их городов-конкурентов. Таких городов-конкурентов, особенно за пореформенный период (с 1990-х гг.) становилось все меньше и меньше.

В частности, по показателям промышленного производства: 1990 г. –

374; 1996 г. – 256; 2000 г. – 255 городов. По инвестициям: 1991 г. – 373; 1996 г. – 185; 2000 г. – 132 города. По торговле: 1991 г. – 261; 1998 г. – 47. По заработной плате: 1991 г. – 284; 1996 г. – 141; 2000 г. – 173 города[10, С.299]. Причем за первое пятилетие реформ (1990–1995 гг.) значительно оформились центростремительные процессы, на фоне которых явно стали доминировать административные центры субъектов РФ при кратном сокращении количества крупных городов-конкурентов. А.И. Трейвиш, характеризуя данные процессы, по этому поводу пишет: «центры субъектов РФ... превосходят вторые города в среднем в шестеро, а $\frac{3}{4}$ сельских районов европейской части «опустынены». Их депопуляция за 20 в. расширила зоны редкого населения (1–10 чел./км²). Нарастали и контрасты качественные: модернизацию столиц сопровождали архаизация провинций, «негативный социальный отбор» в глубинке. Москва, с ее 12% ВВП, 30% предприятий и налогов, львиной долей капиталов на 6% населения РФ, стала предметом зависти провинций»[10, С.153]. Добавим, что по последним статистическим данным, ВРП той же Москвы ещё более вырос в относительном выражении и составил 17% ВВП России.

При этом региональные столицы не только в экономическом, но и в социально-культурном отношении превосходят периферийные города и сельские населенные пункты: «Региональные столицы остаются главными центрами науки и высшего образования – там трудятся более 80% научных работников страны и получают очное высшее образование около 90% всех студентов России. В этих городах сосредоточено 82% театров и 60% современных кинотеатров»[3, С.5].

За рубежом вопросы социо-эколого-экономический подход к развитию населенных пунктов обозначился в середине XX века. Хотя частные инициативы по преодолению негативных последствий и условий жизни в крупных городах капиталистических стран предпринимались ранее (например, проекты Р. Оуэна, Э. Говарда и др.).

Высокие достижения социально-экономического развития общества в XX веке сопровождаются экологическими проблемами, нарастанием кризисных явлений в отношениях сообществ и природы на всех уровнях территориальной организации населения. При этом традиционные природоохранные механизмы: озеленение городов, строительство очистных сооружений, закрытие грязных производств и пр., становятся практически беспомощными при решении системных социо-эколого-экономических проблем[6, С.7].

Все это непосредственно получило развитие в научных идеях. В частности, концептуализировались такие понятия как «экополис», «экопоселение», «родовые поместья», «ландшафтно-усадебная урбанизация» и др., которые во главу угла ставят вопрос о необходимости перехода к гармоничным формам жизнедеятельности сообществ. Данное понимание пространственного развития выразилось в таких подходах и теориях как город-сад (Э. Говард), всемирный город или «ойкуменполис» (Доаксиадис), поляризованная биосфера (Б. Родоман), экологическое макрозонирование территорий (В.И. Зарецкий), кольцевые (линейные, региональные) системы расселения и средовой подход (В. Глазычев), город-биогеоциноз (В. Дышлова, В. Плехов) и др.

Однако, указанные подходы преимущественно поддерживают идею сохранения поляризованного развития региональных систем и их подсистем, содержательно не раскрывая механизмов по обеспечению планомерного перехода к устойчивой полицентричной системе расселения и безопасной социо-эколого-экономической жизни сообществ.

В современных условиях назрела необходимость формирования относительно самодостаточных диверсифицированных территориальных систем на принципах полицентрического типа развития региона. В частности, синхронизация социально-экономических процессов в контексте смены логики центрo-периферийной модели функционирования

регионов определяет необходимость формирования точек устойчивого развития (эколокусов) как в крупных центрах, так и на периферии с целью обеспечения гармонизированного развития региональных систем и подсистем. Так как нивелирование негативных социальных условий жизни традиционными подходами (например, экономико-географический и отраслевой подходы) лишь усилят дисбаланс в региональном развитии в будущем.

В региональных исследованиях сохранились и активно используются традиционные дефиниции в объяснении необходимости развития и функционирования территориальных социально-экономических систем (ТСЭС). В условиях центрo-периферийной региональной системы их употребление актуализируется в связи с необходимостью формирования или поддержания источников роста и развития, а также направлений распространения желательных положительных эффектов. Среди них выделяются такие понятия как точка, центр, очаг, фокус, ядро, полюс, узел, периферия и др. (рис. 1).

Дальнейшая интерпретация названных элементов согласуется с понятиями, отраженными в работе Э.Б. Алаева [2, С. 51-56]. Под точкой может пониматься какое-либо образование, экономический или географический объект (а также участок, подареал и др.), связи которой с окружающей территорией функциональны, и может иметь центральное или периферийное положение. При этом такая точка, очевидно, должна иметь определенные масштабы экономического влияния на окружающую среду, где не обнаруживаются похожие явления. Но, как правило, центр сосредотачивает совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных точек роста и развития.

При этом центр, который распространяет на окружающую среду социально-экономическое влияние (потоки ресурсов и информации, импульсы развития, энергии и пр.) называется очагом или центром

распространения. При этом необходимо отличать понятие «узел», которое определяется как компонентно-структурный элемент географической среды и сочетает в себе совокупность географических элементов, обозначающих наиболее выгодное местоположение объекта.

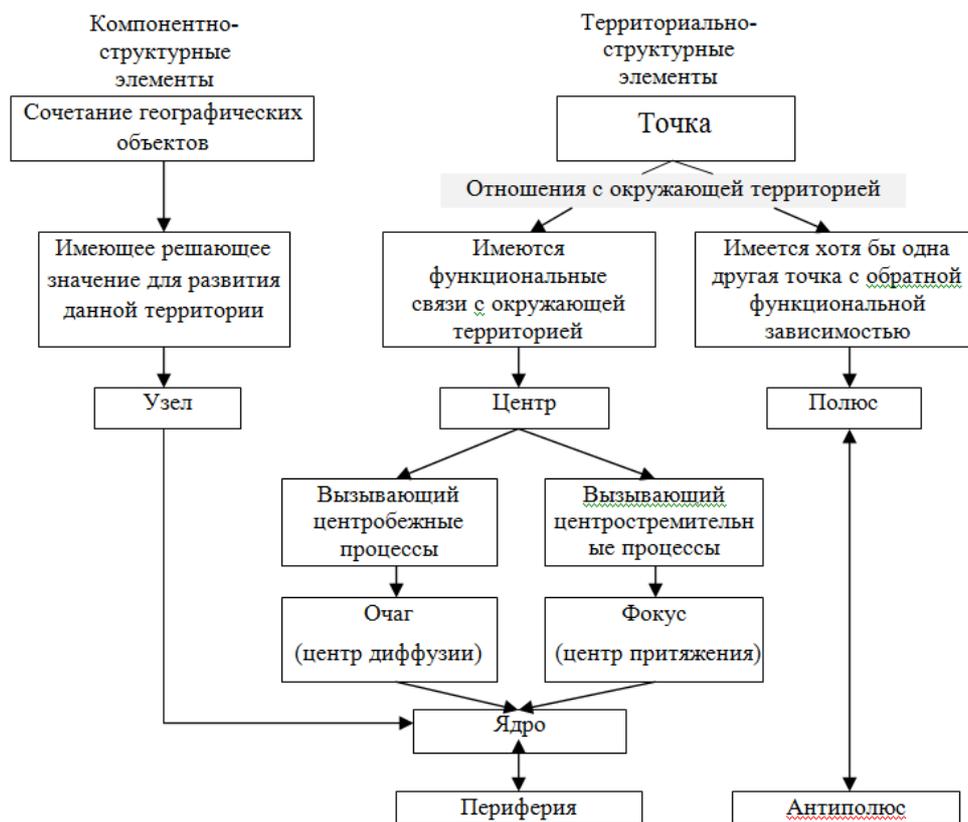

Рисунок 1. Взаимоотношения понятий «структурные элементы таксонов»

Центр, по направлению к которому происходит стягивание и концентрация потоков ресурсов, информации, импульсов развития и прочее, следует определять фокусом, или центром притяжения. Участок таксона (например, региона), где в наибольшей степени выражены признаки последнего именуется ядром, где концентрируется максимальная информация о нем. Таким образом, в зависимости от функциональных связей центрального места с периферией образуются центробежные или центростремительные тенденции развития территории.

Противостоящим и дополняющим элементом таксона (центр, очаг, фокус, ядро) выступает периферия. Причем для обозначения парных территориальных образований, которые характеризуются обратной, полярной функциональной зависимостью, т.е. развитие одного связано с деградацией или стагнацией другого, служат понятия «полюс» и «антиполюс». Например, «полюс» – это центр (а иногда и ядро), то антиполюс – периферия. Также встречается понятие «полупериферия» (его автором считается И. Валлерстайн в рамках мир-системного подхода), базовым признаком которого является переходное состояние системы от центр к периферии или наоборот.

Г.А. Аванесова отмечает, что концепции регионального развития в 1970–1980-х гг. уточняют и дополняют понятие «центр». Под центром понимается место генерирования технологических, социальных и других нововведений, тогда как понятие «периферия» служит средой их распространения, ход которого зависит от контактов и связей с центром. Такое разделение функций обычно сопряжено с различиями в концентрации и интенсификации деятельности, в ее видовом составе, в управленческой иерархии территорий, в уровне их развития в целом [13, С. 86-90].

Таким образом, наиболее широкое распространение получили два понятия: «полюс роста» и «центр роста». Первое определяется как функциональная характеристика территории, где сосредоточены пропульсивные фирмы или отрасли, второе – как географическая часть пространства с более комплексной системой жизнеобеспечения. То есть под полюсом (точкой) роста понимается набор отраслей, а под центром роста – географическая интерпретация полюса, т.е. конкретный центр, город. Во всех теориях пространственного размещения, точек и полюсов роста, формирования экономического ядра региона и т.д. в центре внимания остается понятие «отраслевое развитие» и превалирует в

основном критерии экономической эффективности.

Подход, связанный с обеспечением устойчивого развития территориальных систем, содержательно начинает раскрываться преимущественно в теориях и концепциях в последние 30-40 лет. Однако, на практике воплощение тех или иных моделей не получило должного развития в силу инерционности функционирования территориальных систем и недостаточной проработки переходных стадий и условий к желаемым результатам.

Следует подчеркнуть, что мы рассматриваем проблемы функционирования центрo-периферийной системы преимущественно мезоуровня, так как регионы на современном этапе в большей степени ориентированы и на интеграцию в глобальные процессы, и на повышение своей субъектности в них. Для современных регионов актуализируется задача перехода к устойчивым формам развития не только в межрегиональном, но и внутрирегиональном контексте. Актуальность именно такого подхода объясняется тем, что поляризованный тип развития внутри регионов сегодня усиливается преимущественно за счет политико-экономических и отраслевых возможностей функционирования территории (а также перераспределительных механизмов), а не физико-ландшафтных характеристик местных сообществ.

В Краснодарском крае наблюдаются тенденции общероссийского характера: политические центры субъектов РФ и крупные города (преимущественно свыше 100 тыс. чел.) доминируют в социально-экономическом пространстве региона. К таким городам относятся г. Краснодар, (893,3 тыс. чел.), Армавир (191,8), Новороссийск (313,3), г. Сочи (473,2 тыс. чел.). Общий удельный вес численности населения в этих городах составляет около 35%, а по отдельности 16,5, 3,5, 5,9 и 8,8% соответственно (данные на 01.01.2014 г.). Подтверждением этого тезиса служат официальные статистические данные, представленные в таблице 1.

Из таблицы видно, что за период 2002-2013 гг. по данным показателям, за исключением объема промышленной продукции, удельный вес городов с численностью населения свыше 100 тыс. чел. в экономике Краснодарского края только увеличился.

Таблица 1 – Крупные города Краснодарского края в экономических показателях субъекта РФ за 2002–2013 гг., %

Год	Объем промышленной продукции *	Ввод в действие общей площади жилых домов	Объем строительных работ	Объем инвестиций в основной капитал
2002	49,2	36,4	34,5	37,6
2004	46,8	44,2	65,3	50,9
2006	37,3	56,7	62,7	55,4
2008	38,0	50,9	70,7*	59,3*
2010	35,7	53,8	56,7*	58,7*
2013	47,7	49,5	75,4*	76,5*

Примечание: * - данные по крупным и средним предприятиям

На г. Краснодар в последние годы приходится большая доля этих значений: в частности, по объему промышленного производства – около 30%, ввод в действие жилых домов – 33, объем строительных работ – 23, инвестиций в основной капитал – 30%. При этом по индикаторам «объем строительных работ» и «объем инвестиций в основной капитал» в 2013 г. лидировал г. Сочи с удельным весом по региону 44,7 и 41,4% соответственно. Крупные города в регионах выступают преимущественно инвестиционными площадками, которые усиливают центростремительные процессы за счет сложившихся экономии на масштабе, агломерационного эффекта. Динамика социально-экономических индикаторов в этих городах на 10-30% выше, чем их среднее значение по региону[11].

На этом фоне поляризация негативных условий жизнедеятельности в центрo-периферийной модели региона только усиливается. Накопление экологического ущерба также происходит неравномерно.

Иллюстрацией этому служит следующий факт. Существенной

проблемой для Краснодарского края является управление отходами. Ежегодно на свалки края только твердых бытовых отходов вывозится более 2,5 млн. тонн. Особенно увеличивается нагрузка в летний период из-за значительного количества приезжих. Общая предельная вместимость свалок 28 388 216 тонн, объем накопленных отходов – 44 205 256,22 тонн, таким образом, превышение проектной мощности составляет более чем 15,8 млн. тонн. Из учтенных 320 свалок твердых коммунальных отходов ныне действуют 214 – действующих, а 106 – закрыто. Однако объем образуемых отходов, как и количество этих объектов накопленного экологического ущерба по муниципальным образованиям значительно отличается. Общая площадь учтенных объектов размещения отходов составляет 966,59 га (0,012% от общей площади края), а по районам изменяется от 1 до 16. Больше всего площадей, занятых свалками в Тимашевском (64,83 га), Ейском (58,075 га), Новопокровском (46,7 га), Кавказском (43,8 га), Тихорецком (35,68 га), Павловском (34,2 га), Кущевском (33,75 га) и Выселковском районах (32,93 га). Меньше всего – в Гулькевичском районе (4,33 га), Армавире (6,2 га), Горячем Ключе (6,9 га) и Тбилисском районе (8,37 га). Учитывая, что большинство объектов размещения отходов не соответствует существующим природоохранным требованиям, а большая часть бытовых и промышленных отходов, в том числе опасных, складировается на свалках без сортировки и обезвреживания, это создает значительные проблемы для локальных территорий[8].

Точечная застройка на ограниченной городской территории также привела к возникновению ряда экономических и социальных проблем, которые усугубляются в последние годы (развитие транспортной инфраструктуры отстает от жилищной застройки, инженерные сети и сети электричества не выдерживают возрастающих нагрузок, особенно в летний пиковый период, рост численности населения и массовая жилая застройка, особенно в новых районах города вызвала дефицит школ, детских садов,

поликлиник и других объектов социальной инфраструктуры). Отчасти это является следствием бизнес-ориентированного подхода и стремления компаний-застройщиков к максимизации прибыли посредством минимизации затрат на развитие инженерных сетей и социальной инфраструктуры в осваиваемых районах.

В то же время малые и средние города, а также сельские населенные пункты испытывают целый спектр иных проблем и ограничений: прежде всего дефицит рабочих мест и, как следствие, отток трудоспособного населения в крупные города, низкий уровень благоустройства территории и жилищного фонда, отсутствие или недостаток ряда жизненно важных общественных благ и пр.

Эти и ряд других проблем являются следствием сложившейся экономической модели индустриального типа развития, в которой тенденции к сверхконцентрации населения в крупных городах не только усиливались сами по себе, но и, отчасти, стимулировались политико-административными механизмами. В постиндустриальной экономике нового типа важнейшее значение должен иметь структурный сдвиг в сторону гармоничного развития поселений, семьи, человека, приоритет инвестиций в человеческий капитал, а не в физический.

Основная задача, которая стоит на повестке дня сейчас - обеспечение перехода к устойчивому типу территориального развития, при котором преимущества проживания в крупных городах не нивелировались бы отрицательными последствиями ускоренной урбанизации и процессами перенаселения, а дополнялись плюсами проживания в малых и средних городах и сельских населенных пунктах.

В данном контексте под устойчивым развитием мы будем понимать такой тип развития, который ведет к формированию сбалансированной полицентрической территориальной системы и ориентирует на нивелирование негативных условий жизнедеятельности в пространстве

«центр-периферия» региона для обеспечения гармоничного социального, экономического и экологического развития.

Большинство подходов к устойчивому территориальному развитию содержательно раскрывают идею создания как бы «готовых» сбалансированных территориальных систем, однако на практике их формирование лимитировано финансово-экономическими и инфраструктурными ограничениями, социо-культурными трудностями и др.

Таким образом, встает вопрос о необходимости формирования переходных моделей пространственного развития, которые смогли бы обеспечить планомерный структурный сдвиг в системе «центр-периферия» региона в сторону устойчивого развития.

Представляется, что понятийным ядром подобных моделей может стать дефиниция «эколокус», под которой мы будем понимать открытую эколого-социо-экономическую систему, свободно обменивающуюся экологическими, финансовыми, материальными, человеческими, информационными, символическими и другими видами ресурсов с окружающей средой, способной генерировать в последней позитивные сдвиги в направлении устойчивого развития и «зеленой» экономики. Таким образом, эколокус представляет собой единство физического пространства и общности людей, объединенных экологической идентичностью.

Категория идентичности вошла в научный дискурс сравнительно недавно и получила свое развитие преимущественно в трудах зарубежных ученых во второй половине XX века. В последнее время появилось значительное количество отечественных публикаций, рассматривающих вопросы региональной и территориальной идентичности. Однако категория экологической идентичности не нашла до сих пор должного отражения в научных исследованиях. Одной из фундаментальных

характеристик идентичности в целом является «чувство сообщества». В основе этого лежит психологическая идентификация индивидов и социальных групп в сопричастности к происходящим событиям в местном сообществе, наличие чувства принадлежности к нему, общности ценностей и пр., которая может отождествляться с поселением, городом, регионом жизнедеятельности индивидов и социальных групп[12].

Под экологической идентичностью мы понимаем всё многообразие способов, с помощью которых отдельный человек или группа людей осознает себя как по отношению к окружающей природной среде, так и процессам изменений экологических условий территории проживания.

Формой проявления экологической идентичности может являться сознательное объединение и сотрудничество субъектов хозяйствования с целью сохранения и воспроизводства эколого-социо-экономического ландшафта территории как точки устойчивого развития локального и регионального значения.

Под окружающей средой в данном контексте понимается не только собственно природная, а также арте- и квази-природные среды, но и весь комплекс внешних по отношению к данному эколокусу физических, географических, социальных, экономических, культурных, политических, информационных и других условий.

Физически эколокус может представлять собой часть крупных, средних и малых городов, отдельных поселений или носить межпоселенческий характер. Эколокус как система переходного типа не может пониматься в буквальном значении, так как формирование полицентрической региональной системы требует оптимизации и реструктуризации сложившейся системы расселения регионов и проявления за счет этого прогрессивных экологически устойчивых структурных сдвигов в региональной экономической системе. Под «зеленым» структурным сдвигом в региональной экономике мы понимаем

такое изменение существующего внутреннего строения экономики региона и взаимосвязей между ее элементами, которое приводит к изменению качества экономического роста, снижая ресурсоемкость производимого продукта и отрицательное влияние производства на окружающую среду[9].

Результатом воздействия сети эколокусов будет трансформация интегрирующих качеств региональной системы, которая может и должна быть выражена в динамике количественных показателей. Разработка подобных показателей, имеющих важное научное и прикладное значение, должна быть привязана к специфике различных типам эколокусов. За основу такой системы показателей может быть взята методология создания индикаторов устойчивого развития, предложенная статистическим секретариатом ООН, а также успешная практика формирования подобных индикаторов в некоторых российских регионах[8].

Список литературы

1. Авдеева Т.Т. Экономическое развитие местного сообщества: методология и технология / Т.Т. Авдеева. Краснодар: Экоинвест, 2001. 278 с.
2. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология / Э.Б. Алаев. М.: Мысль, 1977. 199 с.
3. Лексин В.Н. Города власти: административные центры России // Мир России. 2009. №1. С. 3-33.
4. Местная экономическая политика в России: очерк становления и трансформации (1995-2005 гг.). / Научный редактор – д.э.н. Б.С. Жихаревич. М.: Московский общественный научный фонд; Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2006. 152 с.
5. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX в.: представления и реальность / Ю.Л. Пивоваров // Общественные науки и современность. 2001. №6. С. 101-113.
6. Сафрошкин Ю.В. Шанс на будущее: основы концепции гармоничных низовых ячеек расселения ноосферы / Ю.В. Сафрошкин. М.-Ульяновск: Общественный институт ноосферы, 1991. 74 с.
7. Святловский В.В. Жилищный вопрос в России / В.В. Святловский. Краснодар, 2002.
8. Терешина М.В. Формирование инвестиционной привлекательности региона с учетом экологических факторов / М.В. Терешина. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. 328 с.
9. Терешина М.В. «Зеленый рост» и структурные сдвиги в региональной экономике: попытка теоретико-методологического анализа / М.В. Терешина, И.Н. Дегтярева // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 246-248.
10. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами

страноведа / А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

11. Трунин С.Н. Пространственная поляризация регионов России как условие обострения социальных интересов и возможностей общества / С.Н. Трунин, Д.В. Урманов // Региональные исследования. 2011. № 4(34). С. 67-72.

12. Филиппов Ю.В. Основы развития местного хозяйства: учебное пособие/ Ю.В. Филиппов, Т.Т. Авдеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2011. 276 с.

13. Хрестоматия по экономической теории / сост. Е.Ф. Борисов. М.: Юристъ, 2000. 536 с.

References

1. 1. Avdeeva T.T. Jekonomicheskoe razvitie mestnogo soobshhestva: metodologija i tehnologija / T.T. Avdeeva. Krasnodar: Jekoinvest, 2001. 278 s.

2. 2. Alaev Je.B. Jekonomiko-geograficheskaja terminologija / Je.B. Alaev. M.: Mysl', 1977. 199 s.

3. 3. Leksin V.N. Goroda vlasti: administrativnye centry Rossii // Mir Rossii. 2009. №1. S. 3-33.

4. 4. Mestnaja jekonomicheskaja politika v Rossii: ocherk stanovlenija i transformacii (1995-2005 gg.). / Nauchnyj redaktor – d.je.n. B.S. Zhiharevich. M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond,; Mezhdunarodnyj centr social'no-jekonomicheskijh issledovanij «Leont'evskij centr», 2006. 152 s.

5. 5. Pivovarov Ju.L. Urbanizacija Rossii v HH v.: predstavlenija i real'nost' / Ju.L. Povovarov // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2001. №6. S. 101-113.

6. 6. Safroshkin Ju.V. Shans na budushhee: osnovy koncepcii garmonichnyh nizovyh jacheek rasselenija noosfery / Ju.V. Safroshkin. M.-Ul'janovsk: Obshhestvennyj institut noosfery, 1991. 74 s.

7. 7. Svjatlovskij V.V. Zhilishhnyj vopros v Rossii / V.V. Svjatlovskij. Krasnodar, 2002.

8. 8. Tereshina M.V. Formirovanie investicionnoj privlekatel'nosti regiona s uchetom jekologicheskijh faktorov / M.V. Tereshina. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2008. 328 s.

9. 9. Tereshina M.V. «Zelenyj rost» i strukturnye sdvigi v regional'noj jekonomike: popytka teoretiko-metodologicheskogo analiza / M.V. Tereshina, I.N. Degtjareva // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2012. № 5. S. 246-248.

10. 10. Trejvish A.I. Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda / A.I. Trejvish. M.: Novyj hronograf, 2009. 372 s.

11. 11. Trunin S.N. Prostranstvennaja poljarizacija regionov Rossii kak uslovie obostrenija social'nyh interesov i vozmozhnostej obshhestva / S.N. Trunin, D.V. Uрманов // Regional'nye issledovanija. 2011. № 4(34). S. 67-72.

12. 12. Filippov Ju.V. Osnovy razvitija mestnogo hozjajstva: uchebnoe posobie/ Ju.V. Filippov, T.T. Avdeeva. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2011. 276 с.

13. 13. Hrestomatija po jekonomicheskijh teorijh / sost. E.F. Borisov. M.: Jurist#, 2000. 536 s.